

А. П. Чудинов
Екатеринбург, РоссияA. P. Chudinov
Ekaterinburg, Russia**ДИСКУРСИВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ****DISCOURSIIVE CHARACTERISTICS
OF POLITICAL COMMUNICATION**

Аннотация. Дискурсивные характеристики политических текстов существенно отличаются от подобных характеристик иных текстов – научных, художественных или педагогических текстов. Автор политического текста — это прежде всего человек, на которого ложится ответственность за его содержание. Политический текст по заданию руководителя может готовить большая группа специалистов. Однако озвучивая или подписывая текст, политический лидер берет на себя ответственность за его содержание. Получателей текста интересует мнение политика, а не его помощников. И возможная критика содержащихся в документе положения, оценок и способов их выражения будет адресована политику, а не его помощникам.

Abstract. Discursive characteristics of political texts which make it possible to distinguish them from scientific or pedagogical ones are described in the article. Such parameters as authorship (officially the author of a political text is a politician, but in fact it is the result of work of a group of specialists), addressness, simplicity and mystery, ritual and information and others.

Ключевые слова: политическая коммуникация; авторство; адресность; общедоступность; эзотеричность; ритуальность; информативность; экспрессия; стандартность; институциональность; редукционизм; оценочность; агрессивность; толерантность; диалогизм.

Key words: political communication; authorship; addressness; simplicity; mystery; ritual; information; expression; standard; institutional character; reductionism; evaluation; aggression; tolerance; dialogue character.

Сведения об авторе: Чудинов Анатолий Прокопьевич, доктор филологических наук, профессор, проректор по научной и инновационной деятельности.

About the author: Chudinov Anatoly Prokopievich, Doctor of Philology, Professor, Vice-Rector for Academic and Innovative Activities.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Place of employment: Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26, оф. 219.
e-mail: ap_chudinov@mail.ru.

Вопрос об объеме понятия *политическая коммуникация* относится к числу дискуссионных. В первом случае политической называется коммуникация, связанная с политическими проблемами [Баранов 2001]. При ином подходе политической называется коммуникация, субъектом которой являются политики (политические субъекты) или журналисты, которые пишут о политике [Шейгал 2004]. При широком подходе политическая коммуникация – это коммуникация, которая посвящена политическим проблемам или в которой политические субъекты выступают в качестве автора политического текста или его адресата [Чудинов 2006; Будаев 2010 и др]. Существуют следующие классификации продуктов политической коммуникации.

1. По характеру субъекта (автора, говорящего) выделяются следующие виды политической коммуникации:

- собственно политическая коммуникация (автор — политик);
- медийная политическая коммуникация (автор — журналист);
- непрофессиональная политическая коммуникация (автор — человек иной

профессии, «избиратель», «представитель народа»).

2. По характеру адресата различаются следующие виды политической коммуникации:

- адресат — политик или политический субъект (государство, партия и др.);
- адресат не относится к числу институциональных политических субъектов (читатель, зритель, «избиратель»).

Не менее важным является противопоставление индивидуального и массового адресата, а также обозначенного и необозначенного адресата. Как будет показано ниже, возможны случаи несовпадения обозначенного и реального адресата политического текста.

Еще одно важное противопоставление: тексты, обращенные к политическим единомышленникам, политическим оппонентам и «избирателям» (населению), которые не имеют единой политической позиции.

3. При сопоставлении устной и письменной речи выделяют: о жанрам:

- жанры устной речи (выступление на митинге, доклад, беседа, дебаты, интервью и др.);

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (грант 11-04-00327а — Политическая коммуникация: общие закономерности и национальная специфика).

© Чудинов А. П., 2012

- жанры письменной речи (программа, листовка, газетная статья, письмо политическому лидеру и др.).
4. При сопоставлении монологической и диалогической речи выделяют:
- монологические жанры (радиообращение, статья в газете и др.);
 - диалогические жанры (дискуссия, переговоры и др.).
5. По функциям различают:
- ритуальные жанры (инаугурационное обращение, приветственное слово и др.);
 - ориентационные жанры (доклады, указы, договоры, соглашения);
 - агональные жанры, содержащие призывы к борьбе (лозунг, листовка, выступление на митинге, речовка);
 - информативные жанры (газетная информация, обращения граждан к политикам или в СМИ).
6. По объему информации среди жанров различают:
- малые жанры (лозунг, слоган, речовка);
 - средние жанры (выступление на митинге или в парламенте, листовка, газетная статья и др.);
 - крупные жанры (партийная программа, политический доклад, книга политической публицистики и др.).
7. По цели высказывания различают информативные, оценочные и императивные (призывающие к действию) жанры.
- Информация, оценка и императив могут присутствовать в одном и том же тексте. Например, в агитационной предвыборной листовке обычно содержится информация о кандидате, его положительная оценка и призыв оказать ему доверие. Вместе с тем существуют тексты, в которых заметно преобладает один из названных выше жанровых признаков. Примером преимущественно информативного жанра могут служить автобиографические книги политических лидеров.
- Всякий политический текст должен оцениваться только в дискурсе, т. е. с учетом конкретных условий его создания и функционирования (Н. Д. Арутюнова, Е. С. Кубрякова). Особенно важны авторство текста и его адресность, время, место и цели его создания, стратегия и тактика автора.
- Дискурсивные характеристики политических текстов существенно отличаются от подобных характеристик иных текстов — научных, художественных, медицинских или педагогических. Рассмотрим ведущие дискурсивные характеристики в политической коммуникации.
- Авторство политического текста.** В истории литературы зафиксированы факты несовпадения официального автора текста с его подлинным создателем. Создатель текста, не желая выдавать или официально признавать свое авторство, может выступать под псевдонимом, представлять оригинальный текст как перевод, называть автором своего героя.

Известны случаи, когда писатель (например, Александр Дюма) или человек, мечтающий о литературной славе, представляет себя как автора произведения, хотя в действительности является только соавтором, редактором или заказчиком текста. Однако на современном этапе развития литературы в абсолютном большинстве случаев официальный автор текста и есть его подлинный создатель, права автора защищены законом, и человек, дорожащий своей репутацией, никогда не согласится поставить свою подпись под чужим текстом.

Случаи несоответствия между официальным автором текста и его реальным создателем известны и в научном дискурсе, хотя ученые значительно реже скрывают имя под псевдонимом или представляют свой текст без указания автора. Одним из ярких примеров подобного поведения могут служить первые публикации некоторых трудов М. М. Бахтина. Если не принимать во внимание криминальных (например, заказные диссертации) и полукриминальных ситуаций (например, навязывание соавторства), то в современном научном дискурсе официальный автор, как правило, действительно является создателем текста.

Совершенно иные отношения между официальным автором текста и его создателем существуют в политическом дискурсе: **тот, на кого ложится ответственность за текст, считается его автором.** В штате крупного политического лидера, как правило, есть специалист по подготовке документов, в том числе выступлений и иных подобных текстов. Политическое послание президента или другой важный документ по заданию руководителя может готовить большая группа специалистов. Однако озвучивая или подписывая текст, президент берет на себя ответственность за его содержание. Получателей текста интересует мнение президента, а не его помощников, и возможная критика содержащихся в документе положений и оценок, а также способов их выражения будет адресована президенту, а не его помощникам.

Многие политические документы формально вообще не имеют автора и обнародуются от имени государства или его структур, политических организаций и движений (конституция страны, устав партии или ее программа). Ответственность за содержание этих документов берет на себя правительство, парламент, политическая партия и другие подобные структуры. Формально анонимными (не имеющими официально указанного автора) часто являются листовки в поддержку кандидатов во время избирательной кампании, лозунги, используемые во время демонстраций, некоторые публикации в СМИ, однако у этих текстов тоже есть реальные создатели и заказчики.

В некоторых политических жанрах принято обозначать не только статусного автора тек-

ста, но и других людей, участвовавших в подготовке документа. Например, при публикации политических мемуаров указываются фамилии лиц, которые осуществляли «литературную обработку», «запись текста» или иным способом «помогали» автору. Однако так делают не все. Например, Александр Коржаков, бывший телохранитель президента Б. Н. Ельцина, даже не упомянул в мемуарах своих помощников. А вот в книге «От первого лица. Разговоры с Владимиром Путиным» на второй странице указаны авторы — Н. Геворкян, А. Колесников, Н. Тимакова. Это издание в основном состоит из обстоятельных ответов В. В. Путина на вопросы, но он не представлен как автор и, следовательно, не несет ответственности за содержание книги.

Важная характеристика политического текста — институциональный статус автора, то есть его принадлежность к политическим институтам или иным институтам (а также роль в этих и институтах). Текст, подписанный псевдонимом, будет восприниматься совершенно иначе, чем текст, опубликованный за подписью президента страны, директора государственного банка, лидера оппозиционной партии или известного журналиста. Политические тексты, созданные в рамках исключительно личного дискурса, встречаются относительно редко. Очевидно, что институциональный статус автора может быть существенным и в художественном или научном дискурсе (вспомним стихи, написанные Великим князем или Генеральным секретарем ЦК КПСС, некоторые монографии, подписанные научными менеджерами), однако подобные произведения мало типичны.

Адресность политического текста. Организация текста в значительной степени зависит от его адресата. В истории литературы известны случаи, когда в качестве адресата художественного текста обозначался конкретный человек. Например, оды нередко адресовались властителям, философская проза оформлялась как письма к другу или родственнику, а Д. Н. Мамин-Сибиряк создавал свои сказки для дочери. Однако современные художественные тексты, как правило, создаются в расчете на массового адресата или хотя бы на определенный круг читателей.

Научные тексты рассчитаны на специалистов, способных их понять. Более широкому кругу читателей адресованы научно-популярные и научно-учебные тексты. Трудно представить реальный научный текст, адресованный лишь одному человеку.

Для политической коммуникации наиболее характерен массовый и групповой адресат. На массового получателя информации ориентированы ритуальные (инаугурационное обращение, радиообращение), ориентационные (доклады, указы, соглашения) и агональные жанры (лозунг, рекламная речь). К числу жанров с групповым адресатом часто относят обращения, листовки, выступления на митингах.

Значительно реже встречаются политические тексты с индивидуальным адресатом, например телеграммы и письма граждан к политику или в СМИ, а также ответы на эти обращения.

В политической коммуникации выделяются три основных разновидности адресата в зависимости от политической позиции: политические единомышленники, политические оппоненты и «избиратели» (население), не имеющие единой политической позиции.

Особое место в политической коммуникации занимают тексты со смещенным адресатом. В этом случае текст, формально адресованный одному адресату, реально предназначен для более широкой аудитории. Типичный пример подобного смещения — жанр «открытого письма». Уже сам факт обозначенной «открытости» свидетельствует о том, что текст предназначен не только тому, кому номинально адресован.

В зависимости от условий различают непосредственное обращение к адресату и коммуникацию с использованием средств массовой информации (печати, радио, телевидения и Интернета).

Итак, в политической коммуникации различают:

- тексты, ориентированные на индивидуального адресата;
- тексты, ориентированные на группового адресата;
- тексты, ориентированные на массового адресата;
- тексты со смещенным адресатом.

Общедоступность политической коммуникации и ее эзотеричность (понятность только специалистам). Политические тексты, казалось бы, должны быть максимально доступны народу: политики постоянно говорят о своей близости к народу, о том, что выражают его интересы. Чтобы народ поддерживал политическую партию, речь ее лидеров должна быть понятна избирателям. Однако подлинный смысл многих политических текстов понятен только специалистам, учитывающим не только сказанное политиком, но и то, как было сделано заявление и о чем политик умолчал.

Например, политик призывает сократить налоги. Обычно это означает сокращение государственных расходов, в том числе расходов на образование, охрану здоровья, строительство жилья и дорог. И наоборот, если политик призывает увеличить зарплаты и пенсии, то придется увеличивать налоги.

Высказывания политика часто отличаются смысловой неопределенностью. По словам знаменитого французского дипломата князя Талейрана, слова нужны дипломату для того, чтобы скрывать свои мысли. Этот афоризм в полной мере применим к политикам.

Политические лидеры во многих случаях вынуждены изъясняться в максимально обобщенной форме, употреблять слова и выраже-

ния, которые различные адресаты понимают по-своему. Например, призывы М. С. Горбачева к перестройке были поддержаны подавляющим большинством населения страны, в том числе коммунистами, во многом потому, что первоначально не были конкретизированы цели перестройки и пути ее осуществления. Иная ситуация сложилась бы, если бы М. С. Горбачев сразу сказал, что цель перестройки — ликвидация тоталитарной системы.

Существуют политические понятия и лозунги с максимально обобщенным содержанием. Так, призывы к свободе, демократии, социальной справедливости, патриотизму готовы поддержать все крупные политические партии в цивилизованных странах. Но многие из этих партий по-своему объясняют сущность политической свободы, демократии, социальной справедливости и патриотизма. Например, советские руководители уверяли весь мир (и, возможно, сами в это верили), что Советский Союз — это самая свободная страна в мире, но в выступлениях многих зарубежных лидеров говорилось о поработанных народах России. Различное понимание смысла одних и тех же слов служит сокрытию подлинного смысла политического текста.

Ритуальность и информативность политической коммуникации. По общему правилу, политические тексты должны быть максимально информативными, т. е. реализовать коммуникативную функцию. Однако политическая коммуникация нередко оказывается ритуальной, характеризующейся фиксированной формой и отсутствием установки на новизну содержания.

Например, в Свердловской области ежегодно вручают губернаторские премии лучшим профессорам, доцентам и преподавателям. Всегда дается 12 премий (по гуманитарным, естественным, техническим и психолого-педагогическим наукам).

Ритуал неизменен. Сначала выступает губернатор со вступительным словом, в котором говорится об успехах вузов. Затем зачитывается текст указа. Далее помощник передает губернатору диплом, который вручается руководителем области профессору, красивая девушка дополнительно преподносит цветы. Профессора фотографируют рядом с губернатором. Профессор благодарит губернатора и родной вуз. Заканчивая церемонию, губернатор приглашает на фуршет.

Основная задача ритуальной коммуникации — фиксация своей приверженности существующим правилам и подтверждение своей социальной роли. В данном случае церемония демонстрирует, что губернатор заботится о науке, а ученые благодарны власти. В реальности благодарность могут испытывать не все ученые, но вручение премий — это не место для дискуссий. Описанное мероприятие можно сравнить с тостом на юбилее: о виновнике

торжества говорят только хорошее. С этой точки зрения ритуал противопоставлен диалогу как свободному обмену мнениями.

В Советском Союзе существовали стабильные традиции проведения партийных мероприятий. Все знали, кто, что, когда и в какой форме должен сказать, а также кто и как должен отреагировать на слова выступающего (бурные аплодисменты, просто аплодисменты, выступления в прениях, последующая организация собраний для выражения поддержки и др.).

Современная политическая коммуникация часто бывает не менее ритуализированной, но сейчас изменились ритуальные правила и роли. К современным ритуальным ролям относятся такие, как «патриот», «центрист», «рыночник», «ортодоксальный коммунист», «народный заступник», «поборник прав человека», активист движения зеленых и др. Например, если намечается строительство нефтепровода для экспортных операций, то можно заранее предположить, что одни политики будут говорить о загубленной природе, другие — о продаже сырьевых ресурсов и превращении России в сырьевой придаток Запада, третьи — о выгодах экономического сотрудничества, а четвертые — о том, что полученные за проданную нефть деньги разделят бюрократы и олигархи, а народ останется обездоленным.

Ритуальность может проявляться в различной степени: существуют ситуации, когда политическая коммуникация абсолютно ритуальна, но во многих других случаях ритуальность минимальна и коммуниканты стремятся сделать свое выступление нестандартным по форме и максимально информативным по содержанию.

Институциональность и личностный характер политической коммуникации. Разграничивают два ведущих вида дискурса: персональный (личностный) и институциональный. В первом случае говорящий выступает как личность, демонстрируя все индивидуальные характеристики и особенности. Во втором случае говорящий выступает как представитель определенного социального института и носитель определенного социального статуса. Это предопределяет соблюдение установленных статусно-ролевых и ситуационно-коммуникативных норм.

Политическая коммуникация преимущественно институциональна: это означает, что общение происходит не между конкретными людьми, а между представителем одного социального института (правительства, парламента, общественной организации, муниципалитета и т. п.) и представителем другого социального института или «гражданином», «избирателем».

В каждом социальном институте существует определенный стандарт поведения. Принадлежность к социальному институту диктует

человеку правила поведения для каждой формы политического коммуникативного взаимодействия (митинг, парламентская полемика, работа в парламентских комитетах, интервью, встреча с избирателями, поздравление, награждение и др.).

В институциональном общении, в отличие от личностного, жестко зафиксирован статус каждого коммуниканта (избиратель, депутат, представитель общественной неполитической организации, лидер партии и др.), его политическая роль (например, представитель правящей партии, представитель конструктивной или непримиримой оппозиции, государственный служащий определенного ранга).

Социальный институт предопределяет строгую систему целесообразно ориентированных стандартов поведения в тех или иных ситуациях, и эти предписания имеют иной характер, чем при личностном общении. Например, если политическое обращение адресовано «Министру образования и науки Российской Федерации А. А. Фурсенко», то ответить на него в той или иной форме может не только сам министр, но и его заместитель, поскольку в данном случае социальный статус важнее личностного. Совсем иначе обстоит дело в личностной коммуникации: на личное письмо родственников к А. А. Фурсенко в каких-то ситуациях от имени семьи может ответить жена или сын министра, но этого не будет делать его заместитель.

В каждом языке существуют специальные языковые средства, сигнализирующие об институциональном или личностном характере коммуникации, о ситуации и социальных ролях коммуникантов. Например, в русской речи очень показателен выбор обращения: в зависимости от ситуации политический лидер обращается к «дорогим товарищам», к «господам», к «россиянам», к «соотечественникам» или к «уважаемым избирателям».

Уровень институциональности снижается в жанрах, совмещающих признаки публицистического, личностного и политического дискурса, особенно при отражении политических проблем в СМИ в рамках специальных жанров (репортаж, фельетон, колонка обозревателя и др.). Вместе с тем часто даже политики стремятся сделать свое выступление более естественным, приближающимся по внешним признакам к бытовому диалогу. Примером может служить следующий фрагмент из парламентского выступления писателя-депутата Чингиза Айтматова: *Вот здесь сидит мой друг Алесь. Я к Адамовичу обращаюсь. Мы с тобой, Алесь, старые друзья, мы с тобой понимаем друг друга с полуслова... Поэтому не время сейчас, Алесь дорогой, терзать собственные души и вводить какую-то смуту...*

Такое построение речи производит впечатление особой доверительности, искренно-

сти, позволяет сказать больше, чем позволяет официальная обстановка.

Редукционизм и полнота информации в политическом тексте. Политическая действительность редко может быть объективно охарактеризована с использованием только черных и белых красок. У любой партии можно найти как достижения, так и неудачи, среди партийных лидеров встречаются не только кристально чистые и талантливые люди, но и политики с изъянами в моральной, деловой или волевой сфере. В прошлом нашей страны были и блестящие победы, и обидные неудачи.

Однако в политической коммуникации, особенно в периоды обострения политической борьбы, нет места детальному объективному анализу. Особенно показательны тексты, созданные в периоды избирательных кампаний. Один и тот же кандидат в депутаты изображается то безупречным рыцарем со светлой головой и большим опытом, то преступником, рвущимся к власти в корыстных целях и не способным осознать, какую ответственность он пытается взвалить на свои слабые плечи. В одних публикациях советское прошлое нашей страны предстает как «сплошной ГУЛАГ», а в других — как победный марш энтузиастов, руководимых мудрыми вождями. Рассматриваемую особенность политической коммуникации называют редукционизмом политического дискурса, бинарностью ценностных оппозиций или схематизацией политической коммуникации.

Редукционизм — естественная черта политической коммуникации. Политическая речь рассчитана на массового адресата, в идеале текст листовки, предвыборный слоган и другие подобные материалы должны быть понятны всем читателям. Между тем еще древние риторы говорили, что излишняя детализация способна затуманить суть проблемы, особенно в сознании малоподготовленного человека. Хорошо известно, что в науке и искусстве вопрос об истинности теорий и гениальности их создателей не должен решаться голосованием, особенно если в таком голосовании принимают участие профаны. В политике судьбоносные для государства решения принимаются как раз путем всеобщих выборов, большинство участников которых не являются профессиональными политиками.

Степень редукционизма в значительной степени зависит от жанра текста, от его автора, адресата и политической ситуации. Максимальная степень редукции характерна для малых жанров (слоган, тезисы, листовка, плакат); максимально взвешенным и многоаспектным изложение должно быть в аналитических материалах для внутрипартийного пользования. Степень редукционизма выше в текстах, ориентированных на массового адресата, и ниже в текстах, предназначенных для специалистов. Редукционизм политической коммуникации особенно усиливается в периоды обострения

политической борьбы. Замечено, что наиболее категоричны в своих высказываниях политики крайне левых и крайне правых взглядов.

Редукционизм проявляется в политической коммуникации самых различных стран, но, возможно, он особенно характерен для России. Академик Д. С. Лихачев справедливо отмечал следующие черты русского менталитета: тенденция к крайностям, к биполярному черно-белому мышлению, нелюбовь к компромиссам. В нашей политической жизни это проявляется в виде однозначных, лишенных оттенков и нюансов характеристик: свой или чужой, правильный или неверный, хорошо или плохо, патриотизм или космополитизм.

Стандартность и экспрессивность в политической коммуникации. Еще полвека назад В. Г. Костомаров указал на постоянное взаимодействие экспрессии и стандарта как на основную черту газетного языка [Костомаров 1971]. Это характерно и для политической коммуникации.

Экспрессивность высказываний предполагает максимальное использование выразительных средств, что делает текст интересным для адресата, придает сообщению эстетическую значимость. К числу выразительных средств относят разнообразные стилистические фигуры (антитезу, инверсию, эллипсис, сравнение и др.), средства экспрессивного синтаксиса, окказиональные слова, трансформацию фразеологизмов и др. Сюда же относятся метафорические и метонимические обозначения, особенно в случаях яркой образности, необычности словоупотребления.

Стандартность высказываний обеспечивает доступность их восприятия для самого широкого круга читателей и слушателей. При восприятии текста с высокой степенью стандартности людям не надо тратить много усилий для уяснения смысла. В подобных текстах используется преимущественно общеупотребительная высокочастотная лексика; слова употребляются в значениях, зафиксированных толковыми словарями; применяются «стертые», потерявшие образность метафоры, превратившиеся в штампы. Тексты, насыщенные подобными средствами и лишенные выразительности, часто воспринимаются как «серые», «безликие», малоинтересные.

Соотношение экспрессии и стандарта на разных этапах развития политической коммуникации может быть неодинаковым. Так, среди типичных признаков советского «новояза» называли его высокую стандартизованность и осторожное использование выразительных средств. Для современного политического языка характерно противоположное соотношение экспрессии и стандарта: мы живем в период высокой степени экспрессивности политической коммуникации, что особенно характерно для текстов, создаваемых левыми и правыми экстремистами.

Важно подчеркнуть, что сами по себе стандартизованность или экспрессивность политического текста не должны оцениваться как положительные или отрицательные качества: вполне стандартные выражения есть в очень эмоциональных текстах, элементы экспрессивности присутствовали даже в докладах Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева. Различается только соотношение между стандартностью и экспрессией, зависящее от политической эпохи, жанра, индивидуальности автора и множества других дискурсивных характеристик.

Диалогичность и монологичность политического текста. Современный политический текст часто строится и воспринимается как своего рода диалог с другими людьми, текстами и культурами. Автор развивает и детализирует высказанные ранее идеи, полемизирует с ними, дает свою интерпретацию фактов. Политическая речь диалогична по своей природе, она ориентирована не столько на самовыражение, сколько на воздействие. Политик, в отличие от литератора, не может писать только «для избранных», «для интеллектуалов» и с презрением отвергать «чернь». Талантливый политик способен вступать в диалог со всеми слоями общества.

Существуют по меньшей мере три ведущих формы диалогичности. Первая из них — это собственно диалогичность, при которой в создании текста участвует несколько говорящих. Если советские лидеры предпочитали монологический стиль общения и постоянно выступали с длительными речами и докладами, то современные политики значительно большее внимание уделяют речевому общению в виде бесед, интервью, пресс-конференций или дебатов с политическими оппонентами.

Вторая форма диалогичности — диалоги «на расстоянии»: в этом случае политический лидер отвечает на заранее присланные вопросы или комментирует высказывания иных политиков, дает оценку существующим точкам зрения. Диалог становится более престижным, а поэтому диалогичные по форме фрагменты все чаще встречаются в устных и письменных монологических текстах (публицистических книгах, предвыборных программах и др.).

Третьей формой диалогичности политической речи является интертекстуальность, представляющая диалог культур во времени и пространстве. Современный политический текст часто оказывается насыщенным множеством скрытых и открытых цитат, реминисценций, аллюзий, метафор; его полное восприятие возможно только в дискурсе, с опорой на фоновые знания из различных областей культуры. Использование в тексте прецедентных культурных знаков делает изложение более интеллектуальным, формирует новые смыслы, вписывает текущие события в общеисторический и культурный контекст. Подобные куль-

турные знаки делают сообщение более ярким, привлекающим внимание и одновременно вводят в изложение элементы языковой игры, предлагают читателям решить для кого-то прозрачную, для кого-то достаточно сложную загадку.

Каждый прецедентный феномен в тексте — это знак бесконечного диалога различных сфер культуры, различных ее поколений. Одновременно это показатель интеллектуального уровня автора и его оценки возможностей адресата. Творческая индивидуальность автора, автономность текста проявляются в удачном отборе элементов интертекстуальности, компонентов предшествующего опыта человечества для создания нового оригинального текста.

Явная и скрытая оценочность в политической коммуникации. Политическая коммуникация всегда несет в себе не только информацию, но и оценку рассматриваемых реалий. Это объясняется тем, что основная цель политической коммуникации состоит не в объективном описании ситуации, а в убеждении адресата и побуждении его к политическим действиям. Ведущим средством этого побуждения служит оценка субъектов политической деятельности, политических институтов, ситуаций и действий.

Оценка в политическом дискурсе может проявляться в прямой или скрытой форме. Оценка дифференцируется по следующей шкале: положительная оценка (в большей или меньшей степени), нейтральная оценка и отрицательная оценка (со множеством нюансов).

Агрессивность и толерантность в политической коммуникации. Политическую деятельность демонстрирует диалектическое взаимодействие агрессивности, решительной борьбы за свои идеи и толерантности, терпимости к идеям и поступкам политических единомышленников, союзников и соперников.

С одной стороны, политик не может действовать в одиночку, а следовательно, он должен быть терпимым к инакомыслию, с другой стороны, политическая деятельность — это

всегда борьба с оппонентами за достижение и удержание власти. В тоталитарном обществе политических оппонентов уничтожают физически, лишают их гражданских прав и возможности заниматься политической деятельностью. В демократическом обществе политических соперников стремятся отстранить от власти путем их дискредитации в социальном сознании.

Агрессивность политической коммуникации резко возрастает в периоды, когда политическое решение должны принять широкие массы граждан (во время выборов, референдума, политических демонстраций и др.). Агрессивность заметно снижается, когда политические соперники вынуждены действовать совместно (например, при работе в парламенте, при необходимости бороться со стихией или противостоять давлению из-за рубежа). Коммуникативная (вербальная и невербальная) агрессивность обычно растет параллельно увеличению социального напряжения.

В настоящей статье рассмотрены далеко не все типичные свойства политического дискурса, отличающие его от дискурса научного, художественного или бытового. Не меньший интерес представляет и сопоставление политического дискурса с иными видами дискурса (бытовым, педагогическим, медицинским, журналистским и т. п.). Все это свидетельствует о необходимости дальнейшего исследования специфики политической коммуникации в ее соотношении с иными типами коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику. — М.: Эдиториал УРСС, 2001.
2. Будаев Э. В. Методология политической лингвистики // Политическая лингвистика. — 2010. № 1.
3. Костомаров В. Г. Русский язык на газетной полосе. — М.: Изд-во МГУ, 1971.
4. Чудинов А. П. Политическая коммуникация. — Москва: Флинта: Наука, 2006.
5. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. — М., Гнозис, 2004.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. Б. Руженцева